

ПРЕДИСЛОВИЕ

Издание материалов, относящихся к обвинению (1930-1931 гг.), приговору (1931 г.) и реабилитации (1956-1967 гг.) 29-ти лиц, осужденных по основному производству так называемого «Академического дела 1929-1931 гг.» Библиотека Российской Академии наук продолжает публикацию документов следственного дела о созданном воображении сотрудников ПП ОГПУ в ЛВО «Всенародном союзе борьбы за возрождение свободной России». Настоящий выпуск является 9-м по общей нумерации (и 3-м по времени выхода в свет) выпуском издания «Академическое дело 1929-1931 гг.: Документы и материалы следственного дела, сфальсифицированного ОГПУ». Ранее, в 1993 г. в свет вышли 1-й выпуск, посвященный академику С.Ф. Платонову, в 1998 г. – 2-й выпуск (в двух книгах), посвященный Е.В. Тарле.¹ Проект данного издания предполагает публикацию в 10-ти выпусках материалов всех 19-ти томов архивно-следственного дела П-65245, хранящегося в Архиве УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области.

Предполагаемый состав данного издания следующий: вып. 3 (А.И. Андреев, С.В. Рождественский), вып. 4 (Н.П. Лихачев), вып. 5 (Н.В. Измайлов, А.А. Петров), вып. 6 (В.Н. Бенешевич, П.П. Аникиев), вып. 7 (М.К. Любавский, Д.Н. Егоров, Ю.В. Готье, С.В. Бахрушин, А.И. Яковлев, В.И. Пичета), вып. 8 (А.М. Мерварт, Л.А. Мерварт, Т.А. Корвин-Круковская, Г.Г. Гульбин, С.А. Лобанов, Д.Н. Бенешевич, А.Н. Криштофович, П.И. Полевой, М.А. Клэр, А.А. Зеленецкий, Н.М. Окинин, П.П. Бабенчиков, Т.И. Блумберг, А.Г. Вульфийус), вып. 9 (Обвинение; Приговор; Реабилитация), вып. 10 (Справочный; Приложения). Выпуски объединены по тематическому признаку, соответствующему сценарию сфабрикованного дела. Объем выпусков значительно различается.

Согласно решению редакционной коллегии, третьим по сроку выхода стал 9-й выпуск, посвященный наиболее значимым для воссоздания действительной истории «Академического дела» событиям, как-то заключительному этапу следствия и работе над обвинительным заключением, вынесением приговора и его последующей корректировкой, а также процессу реабилитационного производства, начатому в 1956 г., но полностью завершеному в 1967 г. (по основному производству) и в 1989 г. (по дополнительному).

Обстоятельства, при которых по указанию Политбюро ЦК ВКП(б) было сфабриковано дело о якобы созданном в стенах Академии наук СССР «Всенародном союзе борьбы за возрождение свободной России», ранее были обстоятельно изложены и рассмотрены в первых двух выпусках «Академического дела» – в предисловиях, носивших исследовательский характер, и биографических очерках «Сергей Федорович Платонов»² и «Евгений Викторович Тарле»³.

Аресты по «Академическому делу» начались 23 октября 1929 г. К началу декабря 1930 г. число подследственных превысило 100 человек.⁴ Согласно версии, положенной в основу сфальсифицированного обвинения по «Академическому делу», арестованные лица вели активную контрреволюционную деятельность в созданном ими «Всенародном союзе борьбы за возрождение свободной России». Главной целью этой, всецело придуманной следователями ОГПУ, организации якобы являлось свержение советской власти и восстановление монархии. Ранее уже было доказано, что «Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России» никогда не существовал, что «в Академии наук никогда не было ни контрреволюционного заговора, ни военных организаций и складов оружия, ни тайного сговора ученых с агентами иностранных разведок, ни конспиративных встреч с ними в Париже, Берлине или Ватикане». «Все эти аксессуары сочинений детективного жанра, присутствующие в материалах процесса, – чистый вымысел его сценаристов», – указывали соавторы «Предисловия» к вып. 1 «Академического дела» и продолжали: «Реальна только трагедия

¹ Академическое дело 1929-1931 гг.: Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ / РАН. БАН. Ред. колл. Ж.И. Алферов, Б.В. Ананьич, В.П. Леонов (отв. ред.), Е.В. Лукин, В.М. Панеях, С.В. Степашин, А.Н. Цамутали. Вып. 1: Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова / Изд. подготовили М.П. Лепехин, В.П. Захаров, Э.А. Фомина. СПб. : БАН, 1993. LXXIV, 296 с., 1 л. фронт., 2 л. ил.; Вып. 2: Дело по обвинению академика Е.В. Тарле / Изд. подготовили М.П. Лепехин, С.К. Егоров, Э.А. Фомина. СПб. : БАН, 1998. Ч. 1-2. СXXXII, 746 с., 1 л. фронт. 4 л. ил. (Далее это издание будет именоваться сокращенно: АД).

² *Ананьич Б.В., Панеях В.М., Цамутали А.Н.* Сергей Федорович Платонов: биографический очерк // АД. Вып. 1. С. LXIII-LXIV.

³ *Каганович Б.С.* Евгений Викторович Тарле: биографический очерк // АД. Вып. 2. С. LXV-CXXXII.

⁴ Выделены полужирным в именном указателе к 9-му выпуску.

беззащитных представителей элиты отечественной науки, вовлеченных в этот страшный спектакль и ставших жертвами бесправия и надругательства».⁵

Анализируя содержание следственного дела по обвинению С.Ф. Платонова в контрреволюционной деятельности и выявляя преобладание в них признаний в вымышленных преступлениях – «признаний», полученных под давлением, авторы предисловия к вып. 1 писали: «Естественно, что степень достоверности показаний обвиняемых в этом случае настолько незначительна, что современный уровень наших знаний о событиях, связанных с организацией процесса, не позволяет в результате научного комментирования выделить из потока ложных, а порою и фантастических сведений даже крупинцы правды. Организаторы же процесса хорошо знали о безнаказанности творимого ими и не заботились о том, чтобы хоть как-то отделить фантазию от реальности».⁶ Доказав несостоятельность обвинений, предъявленных обвиняемым по «Академическому делу», и вместе с тем обосновывая необходимость как изучения, так и публикации документов следствия, авторы «Предисловия» к вып. 1 отмечали: «Однако материалы «Академического дела» важны в научном отношении не с точки зрения достоверности фактов, сообщаемых подследственными, а как памятник эпохи, отразивший в себе ее черты и нравы, как обвинительный акт против режима власти».⁷

Именно с этой точки зрения и следует рассматривать помещенное в озаглавленном «Обвинение» разделе I настоящего вып. 9 «Обвинительное заключение», датированное январем 1931 г. (№ 10).

Новые, дополнительные доказательства того, что «Академическое дело» и как его составная часть следственное дело № 1803 являлись плодом фальсификации следователей ОГПУ, были приведены в «Предисловии», написанном к вып. 2 – «Делу по обвинению академика Е.В. Тарле». В частности, было обращено внимание на то, что «вопрос о названии “организации”» следователи «начали разрабатывать» в последних числах июня 1930 г. во время допросов Н.В. Измайлова.⁸ При этом высказано предположение, что «без того, чтобы сфабриковать программу и устав “организации” следствие, очевидно, смогло обойтись», так как «дело было это слишком хлопотным и сложным, тем более, что состав арестованных был весьма разнообразен».⁹

Составители первых двух выпусков «Академического дела» стремились учесть все, что было написано их предшественниками, а в выпуск 2 были включены отклики на выход в свет выпуска 1 и статьи, появившиеся в период между изданиями обоих выпусков.¹⁰

После выхода в свет вып. 2 «Академического дела» в исторической литературе этому изданию было уделено большое внимание. Работу в этом направлении продолжили Б.В. Ананьич и В.М. Панеях. Несколько статей были написаны ими совместно.¹¹ В.М. Панеяху принадлежит ряд исследований, касающихся различных сторон истории «Академического дела».¹² М.П. Лепехиным опубликованы статьи, посвященные частным сюжетам о педагогической и административной деятельности С.Ф. Платонова,¹³ а также предыстории «Академического дела» и его историографии –

⁵ Ананьич Б.В., Панеях В.М., Цамутали А.Н. Предисловие // АД. Вып. 1. С. XI.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Ананьич Б.В., Панеях В.М., Цамутали А.Н. Предисловие // АД. Вып. 2. С. XLII.

⁹ Там же. С. XLIII.

¹⁰ Там же. С. XVII-XVIII.

¹¹ Ананьич Б.В., Панеях В.М. 1) «Академическое дело» как исторический источник // Исторические записки. М. : Наука, 1999. Вып. 2(120). С. 338-350; 2) Следствие в Москве по «Академическому делу» // Русский исторический журнал. 1999. Т. II. № 3. С. 93-112.

¹² Панеях В.М. 1) О полемической заметке В.С. Брачева «Возражение критикам» // Клио. 1999. № 2(8). С. 362-364; 2) О следственном деле Б.Д. Грекова 1930-1931 гг. // Отечественная история. 2001. № 4. С. 208-210; 3) Опыт подготовки и издания «Академического дела 1929-1931 гг.» // Проблемы публикации исторических источников в России XX века: Материалы науч.-практич. конф. научных и архивных работников. Москва, 1-2 июня 1999 г. М., 2001. С. 208-214; 4) К спорам об «Академическом деле» и других политических процессах // Россия и проблемы современной истории: Средневековье, Новое и Новейшее время сб. ст. в честь члена-корр. РАН С.М. Каштанова. М., 2003. С. 303-319; 5) J processi politici gemelli del 1930-1931 nell'URSS ("L'affare academic", "Il partito contadino del lavoro", "L'unione del menscevichi") // Totalitarismo e totalitarisme. A cura di Vittorio Strada. Venezia: Marsilia, 2003. P. 301-314.

¹³ Лепехин М.П. 1) Об административной деятельности С.Ф. Платонова во второй половине 1920-х гг. // Памяти академика Сергея Федоровича Платонова: исследования и материалы / отв. ред. А.Ю. Дворниченко, С.О. Шмидт. СПб., 2011. С. 165-195; 2) Платонов Сергей Федорович // Лицейская энциклопедия. [Т. 2:] Императорский Александровский лицей (1844-1917). СПб. : Logos, 2013. С. 509-512.

аресту в 1928 г. А.А. Сиверса (1866-1954), роли В.П. Викторова (1889-1936) в организации перестройки академической науки и первому историографу «Академического дела» С.В. Сигристу (1898-1987).¹⁴

В.М. Панеях обратился к истории «Академического дела» в монографии, которую он посвятил жизни и научному наследию своего и Б.В. Ананьича учителя Б.А. Романова (1889-1957). На фоне общей политической ситуации в СССР в конце 1920-х гг. представлены обстоятельства, связанные с арестом Б.А. Романова, даются определения репрессий, которым подверглись представители научной интеллигенции Ленинграда, в первую очередь гуманитарии (в особенности историки).¹⁵

Б.А. Романов не попал в ту группу арестованных, на которых было заведено следственное дело № 1803. В эту группу, которую авторы «Предисловия» вып. 1 «Академического дела» называют «первой группой», были включены 29 человек – ей была отведена «руководящая роль в создании и практической деятельности “организации”». ¹⁶ «Основное ядро» ее составили: С.Ф. Платонов, Е.В. Тарле, Н.П. Лихачев, С.В. Рожественский, А.И. Андреев, Н.В. Измайлов, А.А. Петров, В.Н. Бенешевич, П.П. Аникиев, М.К. Любавский, Ю.В. Готье, Д.Н. Егоров, С.В. Бахрушин, А.И. Яковлев, В.И. Пичета, А.М. Мерварт. Кроме того, 13 человек были привлечены как участники «шпионской организации», якобы созданной А.М. Мервартом, который обвинялся в шпионаже в пользу Германии: Л.А. Мерварт, Т.А. Корвин-Круковская, С.А. Лобанов, А.А. Зеленецкий, Д.Н. Бенешевич, А.Н. Криштофович, М.О. Клэр, П.И. Полевой, Н.М. Окинин, Г.Г. Гульбин, П.П. Бабенчиков, Т.И. Блумберг-Коган и А.Г. Вульфус.

В разделе I «Обвинение» содержатся ходатайства ПП ОГПУ в ЛВО «о продлении срока содержания под стражей обвиняемых в контрреволюционной деятельности» (№№ 1,3,5,7; 15 мая, 24 июля, 20 сентября и 25 декабря 1930 г.) и постановления Президиума ЦИК СССР «об удовлетворении ходатайства ОГПУ» (№№ 2,4,6; 3 июня, 14 августа и 23 октября 1930 г.). Данные документы являются косвенным свидетельством не только того, что следствие затягивалось, намного выходя за пределы установленных законом сроков. Изменение состава привлеченных лиц, зачастую случайных для любых возможных сценариев «Академического дела», показывало, что и версия деятельности «Всенародного союза борьбы за возрождение свободной России» создавалась чекистами по ходу следствия, которые в него вовлекали все большее число лиц. Итоговым документом данного раздела является обвинительное заключение (№ 10, январь 1931 г.), а также сопутствующие ему постановления о прекращении следственного производства в отношении 24 человек (№ 11; 7 февраля 1931 г.) и о выделении в самостоятельное производство следственного материала на 14 человек (№ 12; 12 февраля 1931 г.).

В разделе II «Приговор» итоговое постановление Коллегии ОГПУ от 8 августа 1931 г. в отношении 29 обвиняемых (№ 17) предусматривают два смертных приговора, вынесенных Тройкой ПП ОГПУ в ЛВО 10 февраля 1931 г. П.В. Виттенбургу и 28 обвиняемым (№№ 13,14), а также утверждение данного приговора Коллегией ОГПУ 10 мая 1931 г. в отношении 6 обвиняемых и о пересмотре его по отношению к 23 обвиняемым (№ 16). Все четыре публикуемых документа (№№ 13-16) взяты из дополнительного производства, но включение их в данный выпуск позволяет более точно представить ход событий после вынесения 29-и смертных приговоров и до их частичной отмены спустя полгода. Публикация всех без исключения последующих документов, относящихся к приговорам лицам, осужденным по дополнительному производству, нецелесообразна в отрыве от публикации их следственных материалов и будет осуществлена позднее.

Раздел III «Реабилитация» состоит из 7 подразделов, хронологически обнимающих периоды соответственно 1932-1941, 1956-1960 и 1965-1967 гг. и соответствующих трем томам дела (17-й заключительный том следственного дела; 18,19 – тома наблюдательного производства).

В подразделах 1-4 помещены документы 1933-1941 гг., которые, строго говоря, еще не являются материалами о реабилитации, т.е. о признании обвинения «фигуранта следственного дела» полностью или частично несправедливым и о восстановлении его прав, доброго имени и т.п. Тем не менее, начало реабилитации побудило обратиться к властям (заявления в Президиум ЦИК СССР и др.) некоторых осужденных по «Академическому делу» (В.И. Пичета, Е.В. Тарле, С.В. Бахрушин, А.И. Яковлев, Т.И. Блумберг, С.А. Лобанов). Основной массив подлинников заявлений о помиловании, поданных теми, кто еще не отбыл срок наказания, и заявлений о снятии судимости – теми, кто, отбыв

¹⁴ Лепехин М.П. 1) О службе в БАН Александра Александровича Сиверса // Петербургская библиотечная школа. 2014. № 4(48). С. 57-62; 2) Из истории библиотеки Академии наук: Владимир Павлович Викторов (1889-1936) // Сб. науч. тр. (по материалам науч. конф. БАН). СПб. : БАН, 2010. С. 149-172; 3) О первом эмигранте «второй волны» и о последнем эмигранте «первой волны». (Необходимые уточнения) // Journal of Modern Russian History and Historiography. 2011. № 4. P. 39-129.

¹⁵ Панеях В.М. Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов. СПб. : Д. Буланин, 2000. С. 123-143.

¹⁶ Ананьич Б.В., Панеях В.М., Цамутали А.Н. Предисловие // АД. Вып. 1. С. V-VI.

срок, вышел на свободу (освобожден из мест заключения или вернулся из ссылки), находятся в Комиссии по помилованию при ЦИК СССР, поэтому в настоящем издании отражено лишь то, что сохранилось в следственном деле в виде отпусков документов. В томе 17 «Академического дела» сохранились отдельные документы, относящиеся к периоду с апреля 1932 г. по май 1941 г., в которых репрессированные обращаются с просьбами о помиловании или о снятии судимости, причем они не отрицают своей вины, а лишь просят о прощении.

Первым, кто обратился в Коллегию ОГПУ с заявлением о пересмотре дела, был В.И. Пичета. К его заявлению был приложен ряд документов (как в подлинниках, так и в копиях), свидетельствующих о добросовестной работе в Белорусском государственном университете и поздравление с юбилейными датами (1922-1926 гг.), справка о состоянии здоровья (1933 г.) и характеристика о работе техником-нормировщиком в системе Вятского горрабкоопа (1933 г.), а также повторное заявление В.И. Пичета об изменении условий ссылки. В томе 17-го следственного дела не сохранилось свидетельств того, какой именно ответ получил В.И. Пичета, однако следует указать, что в отношении него процесс реабилитации был начат УКГБ БССР в 1954 г.

Если В.И. Пичета хлопотал о пересмотре дела, то А.И. Яковлев, С.В. Бахрушин и Е.В. Тарле обращались с просьбой о помиловании, которая и была удовлетворена, о чем свидетельствуют выписки из протоколов заседания Президиума ЦИК СССР соответственно от 7 апреля 1933 г., 27 июля 1933 г. и 17 марта 1937 г. (№№ 27-29).

Напротив, рассмотрение сохранившихся в деле бумаг, относящихся к ходатайствам Т.И. Блумберг (№№ 30-32), не дает ответа на вопрос, каков был результат ее повторной просьбы о пересмотре дела и снятии судимости? Скорее всего, отрицательный, но об этом в деле отсутствуют документы и восстановить итоги неудачной попытки добиться справедливости в 1938 г. возможным стало лишь по новой просьбе Т.И. Блумберг о пересмотре дела и ее полной реабилитации, направленной 31 марта 1957 г. Председателю Президиума Верховного Совета СССР К.Е. Ворошилову с приложением автобиографии (№№ 259-260).

С.А. Лобанов, самый молодой (род. 1903 г.) из осужденных по «Академическому делу», попал в поле зрения ОГПУ из-за того, что был братом Л.А. Мерварт. Отбыв срок ссылки, он стал хлопотать о снятии судимости и обратился в Комиссию по помилованию при Президиуме Верховного совета СССР с соответствующим заявлением (№ 35; 5 августа 1939 г.). Вслед за обращением Лобанова последовала длительная служебная переписка, отправлялись различные запросы. Материалы его по заявлению о пересмотре дела в какой-то мере раскрывают механизм рассмотрения заявлений подобного рода. С.А. Лобанов получил отказ на свое обращение, поскольку, дав ход его заявлению, пришлось бы приступить к пересмотру всего «Академического дела». Формулировка отказа в деле отсутствует. Настойчивость С.А. Лобанова в его хлопотах о пересмотре дела привела лишь к тому, что последовал новый его арест, и при этом, как «повторник» (т.е. повторно арестованный), он уже лишился права на новое рассмотрение дела.

Таким образом, в 1933-1941 гг. имели место лишь отдельные случаи обращений осужденных во властные структуры, рассчитанные на милость властей (помилование, снятие судимости), и лишь одно обращение о пересмотре дела.

Подраздел 5 составили документы, относящиеся ко времени после смерти И.В. Сталина, когда имели место отдельные случаи полной реабилитации, т.е. полное восстановление в правах и снятии всех ранее предъявленных обвинений. Эти обращения явились первыми после 1941 г. попытками пересмотра дела. Инициатором вновь был С.А. Лобанов, к нему присоединились его сестра Л.А. Мерварт и ранее осужденные по обвинению в «шпионаже» А.А. Зеленецкий и Т.И. Блумберг-Коган. Отдельно от них хлопотал о своей реабилитации Н.В. Измайлов.

Первым документом данного подраздела является отношение заместителя начальника следственного отдела КГБ при СМ БССР майора Кондратьева начальнику учетно-архивного отдела КГБ при СМ СССР от 14 сентября 1955 г. о возврате архивно-следственного дела № 557802 (№ 76). В Минск из Москвы дело посылалось в связи с посмертной реабилитацией В.И. Пичета (1878-1947), к тому времени уже скончавшегося и с должным почетом похороненного на Новодевичьем кладбище.¹⁷ Данный документ находится в деле согласно совершенно секретной директиве председателя КГБ при СМ СССР генерала армии И.А. Серова о порядке рассмотрения запросов граждан о судьбах репрессированных, приговоренных к высшей мере наказания от 24 августа 1955 г., где было дано указание: «Переписка по заявлениям граждан о судьбе осужденных к ВМН приобщается к архивно-

¹⁷ В подготовленном с любовью и знанием предмета (в том числе и с использованием материалов Архива УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области) томе документальных материалов о жизни и научно-организационной деятельности В.И. Пичета данное обстоятельство не отражено. См.: Першы рэктар Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта Уладзімір Іванавіч Пічэта / склад. С.М. Ходзін, М.Ф. Шумейка, А.А. Яноўскі. Мінск : БДУ, 2011. 375 с., 12 л. ил. (Памяць і слава / Memoria et Gloria).

следственным делам на осужденных».¹⁸ Позднее всю переписку по прекращенным следственным делам помещали в наблюдательные производства по ним (если таковые заводились), в случае необходимости, приобщая к архивно-следственным делам. Следует отметить, что и документ № 76, и директива И.А. Серова датированы до XX съезда КПСС, где 25 февраля 1956 г. на закрытом заседании Н.С. Хрущев выступил с докладом «О культуре личности и его последствиях», после которого начался пересмотр дел лиц, обвиненных в политических преступлениях.

Не стало исключением и «Академическое дело». В соответствии со сложившейся процессуальной практикой в Главную военную прокуратуру были поданы заявления о пересмотре следственных дел 1930-1931 гг. и теперь уже о полной реабилитации. Прежде всего речь шла о реабилитации отдельных оставшихся в живых лиц, подавших заявления. Первым было подано заявление Л.А. Мерварт от имени С.А. Лобанова (№ 77, 21 января 1956 г.), а затем почти одновременно (17 февраля) она сама также подала в ГВП заявление о полной реабилитации как себя самой, так и своего мужа А.М. Мерварта, погибшего в заключении в 1932 г. (№ 78). Желая ускорить данный процесс, Л.А. Мерварт обратилась 19 марта 1956 г. в ЦК КПСС с очередным заявлением о полной реабилитации ее самой, А.М. Мерварта и С.А. Лобанова (№ 79). Таким образом, ход реабилитации был поставлен на контроль высшей партийной инстанцией страны. 30 марта 1956 г. Л.А. Мерварт вновь подала ходатайство о своей реабилитации в ГВП (№ 80), вскоре получившую уведомление о том от ЦК КПСС (№ 81; 2 апреля 1956 г.). Повторное ходатайство 11 апреля 1956 г. подал в ГВП и С.А. Лобанов; на этот раз лично, а не через сестру (№ 82). Завязалась переписка между несколькими ведомствами, рассылались многочисленные запросы. Публикуемые документы показывают, каким сложным был процесс реабилитации, тем более, что речь шла о деле 1930-1931 гг., по которому проходили не осужденные после 1937 г. члены ВКП(б), в том числе видные деятели Коммунистической партии и советского государства, а беспартийные, среди которых были люди, занимавшие заметное положение в структуре дореволюционной России. Кстати, в 1956 г. не шла речь и о пересмотре дел лиц, обвинявшихся на «открытых» процессах 1936-1938 гг. Теперь, уже после XX съезда, следуют запросы об осужденных по «Академическому делу».

Среди участвующих в пересмотре дела были, очевидно, сотрудники, не имевшие четкого представления об «Академическом деле». Так, 16 июня 1956 г. Следственное управление КГБ направило в Адресное бюро Москвы запрос о месте жительства С.Ф. Платонова (№ 113), постоянно проживавшего в Ленинграде, там же арестованного и в 1933 г. скончавшегося – о последнем обстоятельстве можно было узнать из 2-го издания «Большой Советской Энциклопедии».¹⁹ Почти одновременно были поданы запросы о А.И. Андрееве, живом и постоянно проживающем в Ленинграде (№ 116) и о Н.В. Измайлове, живом и после долгих скитаний вернувшемся в Ленинград (№ 118).

Важно отметить, что 8 июня 1956 г. Главная военная прокуратура обратилась в Следственное управление КГБ с запросом о направлении архивного дела № 557802 из Ленинграда в Москву (№ 112). Данный запрос был сделан на основании того, что по существующим правилам делопроизводства следственное дело должно храниться там, где оно было заведено, а дело о созданном воображении чекистов «Всенародном союзе борьбы за возрождение свободной России» было сфабриковано в Ленинграде Полномочным представительством ОГПУ в Ленинградском военном округе и само следственное дело в 17 томах хранилось в Ленинграде в Управлении Комитета государственной безопасности СССР по Ленинградской области. Именно на УКГБ при СМ СССР по ЛО, фактического правопреемника ПП ОГПУ ЛВО, и возложила ГВП СССР обязанность проверки данного следственного дела. Подчеркивая важность распоряжения ГВП СССР о «необходимости срочной проверки», начальник Следственного управления КГБ при СМ СССР М.П. Маляров особо обратил внимание начальника Управления КГБ при СМ СССР по Ленинградской области Н.Р. Миронова на то, что в данном распоряжении речь идет не только о «направлении архивно-следственного дела № 557802 и шести жалоб с ходатайствами о пересмотре постановления Коллегии ОГПУ от 8 августа 1931 г.», но и содержится «указание на необходимость их проверки» (№№ 142; 28 июня 1956 г.).

Таким образом, проверку «Академического дела» должны были провести сотрудники УКГБ по Ленинградской области. Свидетельством того, как осуществлялась данная проверка, какие детали посчитали необходимым выяснить проверяющие, являются отправленные ими запросы. Так, в Центральный государственный особый архив СССР был направлен запрос «о принадлежности к разведкам Франции, Германии и Польши» С.Ф. Платонова, на который 16 февраля 1957 г. был получен ответ (№ 196). Аналогичные запросы были направлены и на других осужденных по «Академическому делу», варьировалась лишь принадлежность их к разведкам в зависимости от материалов дела (№№ 197-224). У одних, как у С.Ф. Платонова, насчитали три страны, с разведками

¹⁸ Реабилитация: Как это было: Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. Т. 1: Март 1953 – февраль 1956 / сост. А. Артизов, Ю. Сигачев, И. Шевчук, В. Хлопов. М.: МФД, 2000. (Россия XX век: Документы). С. 255.

¹⁹ Большая Советская Энциклопедия. Изд. 2-е. М., 1955. Т. 33. С. 222. (Том подписан к печати 9 мая 1955 г.).

которых они были связаны, у других – две, у некоторых – одна. 19 февраля 1957 г. был послан запрос в Главный архив Октябрьской революции и социалистического строительства Ленинградской области о местонахождении консульства Польши в Ленинграде в 1926-1929 гг., которое неоднократно упоминалась в материалах «Академического дела» (№ 225) – требовалось документальное подтверждение того, что в то время оно находилось именно там, где указывали лица, проходившие по делу.

В запросах упоминались все 29 осужденных по т.н. «основному производству» «Академического дела», как умершие (С.Ф. Платонов, Е.В. Тарле, Н.П. Лихачев, С.В. Рождественский, М.К. Любавский, А.М. Мерварт), так и живые (Л.А. Мерварт, М.О. Клэр, С.А. Лобанов, А.И. Андреев, Н.В. Измайлов). В отношении судьбы ряда лиц в 1956-1957 гг. сотрудники УКГБ ЛО сведениями еще не располагали (А.А. Петров, Т.А. Корвин-Круковская, Г.Г. Гульбин). О компрометирующих осужденных материалах запрашивали Центральный государственный особый архив (ныне Центр хранения историко-документальных коллекций), Центральный государственный исторический архив в Москве (ныне Государственный архив Российской Федерации) и Центральный государственный исторический архив в Ленинграде (ныне Российский государственный исторический архив).

Помимо запросов в архивные учреждения, проводился и опрос живых лиц – в частности, в Москве была допрошена Л.А. Мерварт (трижды: № 177 - 23 декабря 1956 г.; № 275 – 9 июля 1957 г. и № 286 – 18 апреля 1958 г.), в Ленинграде А.И. Андреев (№ 264; 5 апреля 1957 г.), Н.В. Измайлов (№ 267; 19 апреля 1957 г.) и С.А. Лобанов (№ 269; 3 мая 1957 г.), а в Днепропетровске – А.А. Зеленецкий (№ 194; 6 марта 1957 г.). Были опрошены сослуживцы А.И. Андреева по Ленинградскому отделению Института истории АН СССР – В.А. Петров (№ 265; 15 апреля 1957 г.) и К.Н. Сербина (№ 266; 16 апреля 1957 г.). В мае 1957 г. была составлена справка о Н.В. Измайлове (№ 273). Опрошены были и некогда с С.А. Лобановым учившиеся и работавшие С.А. Гасимов (№ 270; 5 мая 1957 г.) и И.Д. Ананьев (№ 271; 7 мая 1957 г.). Кроме того, сведения о С.А. Лобанове были запрошены у начальника первого (т.е. режимного, отвечавшего за секретность) отдела завода № 6 имени Н.А. Морозова товарища Заломаева (№ 189; 16-22 февраля 1957 г.).

Одновременно с многочисленными запросами об осужденных по «Академическому делу» сотрудники следственного отдела УКГБ при СМ СССР по ЛО наводили справки и о лицах, проводивших следствие. Так, в служебной записке от 4 апреля 1957 г. был указан состав следственной бригады ПП ОГПУ ЛВО: С.Г. Жупахин, А.Р. Стромин, М.А. Степанов, С.Я. Рудовский и А.А. Мосевич (№ 262). В ответ на запрос в Особую инспекцию отдела кадров данного Управления уже 5 апреля 1957 г. была составлена справка об отсутствии в Особой инспекции каких-либо материалов «о допущенных нарушениях социалистической законности» данными лицами (№ 263).

В марте – начале апреля 1957 г. имело место обращение трех осужденных по «Академическому делу» лиц с ходатайствами о полной реабилитации. Эти заявления были поданы в различные инстанции. 12 марта в Главную военную прокуратуру СССР обратился с заявлением Н.В. Измайлов (№ 257). 31 марта аналогичное заявление, но на имя Председателя Президиума Верховного Совета СССР К.Е. Ворошилова, подала Т.И. Блумберг (№ 259). В ЦК КПСС с такой же просьбой обратилась Л.А. Мерварт; 2 апреля 1957 г. ее заявление из Общего отдела ЦК КПСС было направлено в Прокуратуру СССР (№ 261).

Последствием обращения Н.В. Измайлова и стали упомянутые ранее допросы в качестве свидетелей А.И. Андреева, В.А. Петрова, К.Н. Сербиной и самого Н.В. Измайлова.

А.И. Андреев, как и Н.В. Измайлов, осужденный по «Академическому делу», не ставил под сомнение предъявленные ему обвинения, указывая на то, что полностью отбыл наказание (ссылку), и в отношении Н.В. Измайлова дал благоприятные для того показания. В 1957 г. А.И. Андреев работал в Ленинградском отделении Института истории АН СССР в должности старшего научного сотрудника; там же работали В.А. Петров и К.Н. Сербина. В.А. Петров 15 апреля 1957 г. на допросе показал, что знал Н.В. Измайлова как научного сотрудника, работающего в Пушкинском Доме АН СССР, специалиста по рукописям А.С. Пушкина. В.А. Петров подтвердил, что с Н.В. Измайловым «на политические темы не беседовал» и «его отношение к советской власти» ему «неизвестно». Об осужденных по «Академическому делу» С.Ф. Платонове, Е.В. Тарле, Н.П. Лихачеве говорил, что они известны ему как «крупные ученые». Про некоторых осужденных В.А. Петров сказал, что ему «они неизвестны», а о самом «Академическом деле», что знал о нем «из газет». Показания допрошенной на следующий день К.Н. Сербиной во многом были схожи с показаниями В.А. Петрова. На вопрос об А.И. Андрееве она ответила, что знает его как хорошего специалиста и преподавателя, добавив при этом: «Ближе Андреева я стала знать в период Великой Отечественной войны. Во время войны он был патриотически настроен и много работал. Каких-либо антисоветских высказываний от него я не слышала».

19 апреля 1957 г. был допрошен в качестве свидетеля Н.В. Измайлов. Частично он подтвердил данные им в 1930 г. показания, но вместе с тем сказал, что «в начале следствия следователь Стромин

угрожал» ему «револьвером», говорил, что «застрелит», если Измайлов «не даст показаний», а о следователе Степанове сообщил, что тот, требуя признательных показаний, «действовал психологически» – «угрожал, что арестует жену». «Частые допросы продолжаются в течение пяти-шести часов», - показывал Н.В. Измайлов и продолжал: «Степанов был тонким психологом, умел довести до согласия с ним. Кроме того, он предъявлял показания академика Тарле, Рождественского, Платонова о их участии в контрреволюционной организации». После такого давления Н.В. Измайлов, по его словам, стал давать показания «об антисоветской деятельности, даже о хранении оружия». «На самом деле я участником антисоветской организации не был и никакого оружия не хранил», - сказал Н.В. Измайлов, подчеркнув при этом, что считал обжалование приговора на основании того, что во время следствия к нему «применяли угрозы» – «бесполезным». Примерно в 1938 г. Н.В. Измайлов хлопотал о снятии судимости, но получил отказ. Признавая, что те или иные показания, «данные» в 1930 г., «записаны правильно», Н.В. Измайлов вместе с тем делал к ним поправки. Так, он показал, что Платонов «высказывался» об интервенции со стороны Германии, «но не был сторонником этой интервенции».

Показания, данные Н.В. Измайловым на допросе 19 апреля 1957 г., казалось бы, давали представление о методах получения «признаний» в ходе следствия 1929-1931 гг. Однако они, видимо, не стали для следователя достаточно убедительными для вынесения решения о необходимости полной реабилитации Н.В. Измайлова и в отмене приговора по «Академическому делу» в целом. Вероятно, такому выводу следователя способствовало и то, что А.И. Андреев не решился подвергнуть сомнению обоснованность вынесенного ему приговора.

Видимо, в тех сведениях, которые были получены следователем в 1957 г., еще не было данных о нарушении законности в ходе следствия 1929-1931 гг. В результате старшим следователем следственного отдела УКГБ при СМ СССР по Ленинградской области старшим лейтенантом А.О. Кондратьевым было составлено заключение о необходимости оставления в силе решения Коллегии ОГПУ по делу «Всенародного союза борьбы за возрождение свободной России» (№ 274; 28 мая 1957 г.). Таким образом, предпринятая Н.В. Измайловым попытка добиться полной реабилитации в 1957 г. окончилась неудачей.

Вместе с тем, судя по тому, что 28 октября 1957 г. последовало определение Военного трибунала Московского военного округа по протесту Главного военного прокурора СССР об отмене постановления Коллегии ОГПУ от 8 августа 1931 г. в отношении Л.А. Мерварт, С.А. Лобанова, П.И. Полевого, А.А. Зеленецкого и Т.И. Блумберг-Коган, в Москве в Главной военной прокуратуре СССР составилось мнение о необоснованности обвинений по «Академическому делу», по которому были осуждены перечисленные выше лица. Таким образом, пусть в отношении пока еще нескольких лиц, осужденных в 1931 г., было принято решение, признававшее несправедливым приговор Коллегии ОГПУ от 8 августа 1931 г.

К октябрю 1959 г. – февралю 1960 г. относятся три документа, свидетельствующие о том, что в Главной военной прокуратуре СССР и в Военной коллегии Верховного Суда СССР проверялось дело А.И. Андреева, в 1957 г. не решившегося оспаривать вынесенный ему в 1931 г. приговор. В итоге приговор Коллегии ОГПУ от 8 августа 1931 г. постановлением Военной коллегии Верховного Суда СССР от 4 февраля 1960 г. был отменен (№ 290), но для А.И. Андреева реабилитация стала посмертной – 12 июня 1959 г. он умер.

Подраздел 6 «Материалы, относящиеся к проверке архивно-следственного дела по заявлениям М.Н. Мартынова, Е.И. Чапкевича, В.М. Ливановой 1965-1967 гг.» содержит материалы, относящиеся к последнему периоду истории с возникновением, а в итоге – и с завершением основного производства по «Академическому делу».

В начале раздела приведены документы, послужившие толчком к пересмотру архивно-следственного дела, по которому в 1931 г. были осуждены лица, обвинявшиеся в принадлежности к якобы существовавшему «Всенародному союзу борьбы за возрождение свободной России». Данный комплекс документов открывается заявлением историка М.Н. Мартынова на имя Генерального прокурора СССР о реабилитации С.В. Рождественского (№ 291, 10 августа 1965). Спустя месяц историк Е.И. Чапкевич обратился с заявлением на имя начальника архива КГБ при СМ СССР, где запрашивал сведения о материалах, относящихся к Е.В. Тарле (№ 293; 23 сентября 1965 г.). Будучи аспирантом Московского городского педагогического института имени В.И. Ленина, Е.И. Чапкевич в 1967 г. защитил кандидатскую диссертацию «Е.В. Тарле и изучение им внешней политики России в XIX веке». (Впоследствии Е.И. Чапкевич стал профессором, заведующим кафедрой истории СССР в Орловском государственном педагогическом институте). Обращение Е.И. Чапкевича, оформленное в виде официального запроса, давало повод к рассмотрению по существу не только дела Е.В. Тарле, но и других осужденных по «Академическому делу», что в итоге и привело к их последующей реабилитации. В связи с запросом Е.И. Чапкевича Военная прокуратура Ленинградского военного округа (куда в итоге поступил его запрос) подготовила обращение в Управление КГБ при СМ СССР по

Ленинградской области (№ 295; 23 сентября 1965 г.), что явилось отправной точкой для последующего пересмотра дела.

Должностные лица Управления предприняли полномасштабную проверку прежде всего полноты содержащихся в деле сведений о тех 23 лицах, которые к этому времени не были реабилитированы. Так, были направлены типовые запросы о наличии сведений о судимости С.Ф. Платонова, Е.В. Тарле и других лиц, осужденных по «Академическому делу» (№№ 296-305). Помимо ответов на запросы были представлены подготовленные в следственном отделе обзорные справки на С.Ф. Платонова, Е.В. Тарле, Н.П. Лихачева и С.В. Рождественского по материалам хранящихся в Архиве АН СССР их личных дел (№№ 306-309); все они датированы декабрем 1965 г. Тогда же были подготовлены обзорные справки по материалам архивных дел об арестах С.Ф. Платонова в 1919 г. (№ 313), Н.В. Измайлова в 1927 г. (№ 314) и М.К. Любавского в 1923 г. (№ 321). М.Н. Мартынов в приложение к ходатайству о реабилитации С.В. Рождественского представил статью о нем, написанную племянником последнего доцентом Н.М. Оленевым (который, кстати, сам проходил по «Академическому делу») и 13 января 1958 г. опубликованную в многотиражной газете «Ленинградский университет». Тогда же были допрошены М.Н. Мартынов (№ 310; 25 декабря 1965 г.), дважды Н.В. Измайлов (№№ 311,312; 5 и 7 января 1966 г.). В ходе сбора сведений об осужденных были приобщены к делу копии записок об ученых трудах С.Ф. Платонова (№ 324), Е.В. Тарле (№ 325), М.К. Любавского (№ 327), а также статьи из 2-го издания «Большой советской энциклопедии» о С.Ф. Платонове (№ 328), Е.В. Тарле (№ 329), Н.П. Лихачеве (№ 330), М.К. Любавском (№ 331), М.М. Богословском (№ 332), В.И. Пичета (№ 333). На основании обзорных справок и статей из наиболее авторитетного советского справочного издания лица, которым была поручена проверка следственного дела, могли составить себе представление о том, что осужденные по «Академическому делу» лица не только являются известными учеными-историками, но и не упоминаются как участники контрреволюционного заговора.

Получив известное представление о С.Ф. Платонове, Е.В. Тарле, Н.П. Лихачеве, М.К. Любавском и других фигурантах «Академического дела» и о значимости их трудов, лица, занимавшееся проверкой данного дела, стали также наводить справки и о тех, кто вел следствие (а на самом деле фальсифицировали его результаты). В январе 1966 г. были направлены запросы о следователях, сфабриковавших «Академическое дело» (А.Р. Стромин, Г.Д. Алдошин, М.А. Степанов, С.Я. Рудовский, А.И. Зубков, А.А. Мосевич), и незамедлительно были получены ответы, из которых следовало, что ни одного из них к моменту пересмотра дела в живых не осталось (№№ 315-320). Материалы о В.Р. Домбровском и С.Г. Жупахине, которых наряду с А.Р. Строминим рассматривали в качестве главных лиц в фабрикации «Академическом деле», были получены отдельно.

В «Предисловии» к вып. 1 «Академического дела» сказано, что для некоторых сотрудников ОГПУ участие в нем стало важной ступенью в профессиональной карьере. Правда, по достижении высших постов многие из них сами были репрессированы. Так, 22 февраля 1939 г. был приговорен к расстрелу с конфискацией имущества А.Р. Стромин, до того достигший должности начальника Саратовского областного управления НКВД, но затем «разоблаченный... в принадлежности к правотроцкистской организации» и т.п.²⁰ Ранее, в декабре 1934 г., был арестован А.А. Мосевич (вместе с другими чекистами, ответственными за охрану С.М. Кирова) и приговорен к 2 годам заключения.²¹ Судьба С.Г. Жупахина достаточно обстоятельно рассмотрена в вышеупомянутом «Предисловии». (Ввиду того, что находящиеся в наблюдательном производстве документы еще не прошли процедуру рассекречивания, составитель вынужден сделать отсылку к его изложению).²²

24 декабря 1966 г. начальник следственного отдела УКГБ Ленинградской области полковник М.М. Сыщиков направил своему коллеге, начальнику следственного отдела УКГБ по городу Москве и Московской области полковнику В.Г. Иванову, поручение допросить Ю.В. Садовского - единственного оставшегося в живых участника бригады следователей, сфабриковавшей «Академическое дело». Уже 26 декабря, проживавший на покое в одном из городов ближнего Подмосковья 66-летний Ю.В. Садовской был допрошен (№ 382). В «Предисловии» к вып. 1 «Академического дела» уже были приведены некоторые выдержки из его показаний. В подтверждение того, что «Академическое дело сфабриковано исключительно на показаниях обвиняемых», и того, что «следственная группа ОГПУ в Ленинграде не располагала, да и не могла располагать какими бы то ни было существенными основаниями для производства обысков и арестов», была приведена следующая выдержка из

²⁰ См.: АД. Вып. 1. С. XLII.

²¹ Там же. С. XLIII.

²² Там же. Следует заметить, что в упомянутом выше своде материалов для биографии В.И. Пичета были опубликованы протоколы его допросов, приложенные к материалам о практиковавшихся С.Г. Жупахиным методам следственных действий, - в них В.И. Пичета рассказывал о своих взаимоотношениях с коллегами (Архив УФСБ по СПб и ЛО. Т. 19. Л. 119-132, 148-184). См.: Першы рэктар Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта Уладзімір Іванавіч Пічэта. С. 277-298.

показаний Ю.В. Садовского, данных им в декабре 1966 г.: «Что явилось основанием к возбуждению дела, я не знаю, но могу совершенно точно сказать, что никаких агентурных данных по этой группе у нас не было. Что явилось основанием для ареста этих людей, я не знаю, наверное, как обычно, составили справку и получили санкцию на арест».²³

Итоги двух произведенных УКГБ ЛО в 1965-1966 гг. проверок «Академического дела» были совершенно противоположны.

12 февраля 1966 г. старший следователь следственного отдела УКГБ ЛО капитан Н.Т. Прокофьев составил заключение по рассмотрению архивно-следственного дела № П-8326 (№ 335). Прежде всего им было указано на расхождение между показаниями лиц, ранее реабилитированных или ходатайствующих о реабилитации, - и материалами дела. «Однако, как при анализе материалов следствия за 1929-1930 гг., так и материалов проверок видно, что прекращение дела в отношении указанных лиц (Л.А. Мерварт, С.А. Лобанова, А.А. Зеленевого, Т.И. Блумберг-Коган, П.И. Полевой, А.И. Андреев – М.Л.) не опровергает в целом показания Платонова, Тарле, Рождественского и других о их антисоветской деятельности. <...> Как видно из копий записок Тарле следователям и его писем в коллегию ОГПУ, он также подтверждал свои показания на следствии и осуждал свои действия».

Затронул Н.Т. Прокофьев и тему «незаконных методов следствия», отметив, что «Измайлов, Мерварт Л.А. и другие в своих показаниях отметили, что были вынуждены оговорить себя на следствии в 1930 г. в силу “психологического воздействия” и угроз со стороны следователей» и что «на допросе в 1957 г. Андреев А.И. свои прошлые показания на следствии в 1930 г. подтвердил и указал, что никаких незаконных методов к нему следователями не применялось». Н.Т. Прокофьев особо подчеркнул, что «одновременно Андреев отметил, что после осуждения он встречался с Лихачевым, Тарле, Бахрушиным и Яковлевым, однако жалоб с их стороны на незаконные методы ведения следствия ему слышать не приходилось». «Как видно из показаний Измайлова на допросе в 1957 г., после осуждения он встречался с Андреевым, Бахрушиным, Готье, Гульбиным, супругами Мерварт и Лихачевым, однако жалоб на незаконные методы ведения следствия ему с их стороны слышать не приходилось». В итоге Н.Т. Прокофьев пришел к выводу о том, что «в процессе проверок никаких материалов о нарушении соцзаконности следователями, проводившими расследование данного дела, не обнаружено».

Решающее значение для Н.Т. Прокофьева имело то, что «проведенными в настоящее время и в 1957 году проверками материалов дела показания Платонова, Тарле, Рождественского, Любавского, Егорова, Пичеты, Бенешевича В.Н., Мерварта А.М., Бахрушина, Петрова, Вульфюса, Готье, Яковлева, Аникиева на допросах в 1930 г. о их преступной деятельности опровергнуты не были и в определенной степени нашли свое подтверждение». «Будучи допрошенным в качестве свидетеля в 1957 г. и в настоящее время Измайлов Н.В. от своих прежних показаний в части его участия в антисоветской организации отказался, однако указал, что в те годы он разделял антисоветские взгляды Платонова и подтвердил характеристику политическим убеждениям Платонова, данную им на следствии в 1930 г. Подтвердил Измайлов и свои прежние характеристики политических взглядов Тарле, Любавского, Егорова и Лихачева». Несомненной для Н.Т. Прокофьева была и шпионская деятельность А.М. Мерварта с сообщниками («Корвин-Круковская, Бенешевич Д.Н., Криштофович, Окинин, Клэр, Бабенчиков, Гульбин, Лобанов, Мерварт Л.А. и Зеленецкий») в передаче секретных сведений Мерварту А.М., якобы доказанная как показаниями самого Мерварта А.М., так и «личными признаниями».

«Учитывая изложенное и принимая во внимание, что предъявленное в 1930 г. ПЛАТОНОВУ, ТАРЛЕ и другим обвинение в активной антисоветской деятельности проверкой не опровергнуто», Н.Т. Прокофьев предложил «Постановление Коллегии ОГПУ от 8 августа 1931 г. об осуждении ПЛАТОНОВА С.Ф., ЛЮБАВСКОГО М.К., ТАРЛЕ Е.В., ЛИХАЧЕВА Н.П., РОЖДЕСТВЕНСКОГО С.В., ЕГОРОВА Д.Н., АНИКИЕВА П.П., ГОТЬЕ Ю.В., БАХРУШИНА С.В., ЯКОВЛЕВА А.И., ПИЧЕТЫ В.И., КРИШТОФОВИЧА А.Н., БЕНЕШЕВИЧА Д.Н., КЛЭРА М.А., ИЗМАЙЛОВА Н.В., БЕНЕШЕВИЧА В.Н., ПЕТРОВА А.А., МЕРВАРТА А.М., ГУЛЬБИНА Г.Г., КОРВИН-КРУКОВСКОЙ Т.А., ОКЕНИНА Н.М., БАБЕНЧИКОВА П.П. и ВУЛЬФИУСА А.Г. оставить в силе». С мнением капитана Н.Т. Прокофьева 14 февраля 1966 г. согласились заместитель начальника следственного отдела УКГБ ЛО полковник М.М. Сыщиков и заместитель начальника УКГБ ЛО генерал-майор В.Т. Шумилов.

Результат первой проверки не удовлетворил Главную военную прокуратуру. 23 августа 1966 года она направила в следственный отдел КГБ при СМ СССР запрос о наличии в архивах КГБ «объективных данных (кроме материалов дела), подтверждающих существование контрреволюционной организации “Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России”»; к запросу прилагались 18 томов дела и предписание уточнить, «не привлекались ли к ответственности

²³ Там же. С. XXXIV.

за нарушение социалистической законности лица, проводившие следствие по данному делу, и после того дать заключение об обоснованности привлечения к уголовной ответственности в 1930 году ТАРЛЕ и других лиц, проходящих по настоящему делу» (№ 342). Следственный отдел КГБ при СМ СССР 16 сентября 1966 года запрос ГВП и 18 томов дела переслал в УКГБ при СМ СССР по ЛО для новой всесторонней проверки и составления мотивированного заключения по нему (№ 343). Таким образом, следственный отдел этого Управления в третий раз за 8 лет приступил к проверке данного архивно-следственного дела, причем последняя проверка была завершена полгода назад.

Немногим спустя после вынесения старшим следователем следственного отдела УКГБ при СМ СССР по ЛО капитаном Н.Т. Прокопьевым решения об обоснованности приговора по делу «Всенародного союза борьбы за возрождение свободной России», как другой старший следователь того же отдела капитан В.Е. Анисин принял по проверке «Академического дела» диаметрально противоположное решение, которому предшествовал ряд обстоятельств. Так, десять месяцев спустя, 8 декабря 1966 г. он вынес постановление о приобщении к архивно-следственному делу № 8326 документов контрольно-наблюдательного производства (№ 372). В данном постановлении перед указанием № дела отсутствует индекс П, т.е. «прекращенное». Была ли в том небрежность следователя, или же эта деталь свидетельствовала о внешнем изменении процессуального статуса данного дела – сейчас сказать затруднительно. Как бы то ни было, В.Е. Анисин в кратчайшие сроки выполнил все указания Главной военной прокуратуры и Следственного отдела КГБ при СМ СССР. Действовал В.Е. Анисин основательно, без ненужной спешки, что позволило осуществить проверку всех собранных им по делу новых доказательств. Стоит упомянуть, что основательность старшего следователя, приведшая к несоблюдению установленных крайне сжатых сроков проверки, вызвала весьма эмоциональную жалобу Главной военной прокуратуры непосредственно начальнику Управления генерал-майора В.Т. Шумилова; как следует из документа 346, руководство УКГБ при СМ СССР по ЛО в межведомственном споре встало на сторону В.Е. Анисина, поскольку именно в середине 1966 года в деле появилось несколько новых документов, имевших важное значение для пересмотра дела по существу.

19 июня 1966 г. дочь скончавшегося в 1936 г. М.К. Любавского художница В.М. Ливанова обратилась с заявлением в Президиум АН СССР с просьбой о содействии в реабилитации своего отца, увековечении его памяти и восстановлении его в звании действительного члена АН СССР; в приложении был дан перечень хранившихся дома неопубликованных трудов Любавского, которые Ливанова была готова передать АН СССР (№ 340). Вероятно, в Президиуме АН СССР не решили, как следует поступить в данной ситуации, поскольку М.К. Любавский реабилитирован не был. Не получив ответа из Президиума, 5 июля 1967 г. В.М. Ливанова обратилась непосредственно к Президенту АН СССР М.В. Келдышу (№ 341), повторив свои ходатайства. Сочувственное отношение Президента АН СССР к данному вопросу имело следствием то, что оба обращения В.М. Ливановой были переданы в Главную военную прокуратуру СССР – об этом говорится в ее обращении в данную инстанцию 9 ноября 1966 г. К сожалению, сопроводительных документов к данной передаче в деле не сохранилось – вероятнее всего, они были просто пересланы спецсвязью без отражения в томе 19 официального обращения в ГВП со стороны Президиума АН СССР. (Вероятно, оно отложилось в текущем делопроизводстве ГВП). В столь быстром для академического делопроизводства решении сложной проблемы, скорее всего, важное значение имели прежде всего личное сочувственное отношение Президента АН СССР и то уважение, которым М.В. Келдыш пользовался в высших эшелонах власти. Следует отметить, что ни Президиум АН СССР, ни какие-либо иные академические инстанции до того не предпринимали никаких попыток ходатайствовать о пересмотре «Академического дела» и инициатива в этом вопросе всецело принадлежала либо самим пострадавшим по данному делу и их родственникам, либо отдельным лицам (М.Н. Мартынов, Е.И. Чапкевич), заинтересованным в восстановлении справедливости по отношению к отдельным фигурантам данного дела (С.В. Рождественский, Е.В. Тарле). Так, В.М. Ливанова подала 9 ноября 1966 г. заявление в ГВП СССР от себя лично (№ 345).

В подписанном 4 января 1967 г. заключении (№ 367) старший следователь следственного отдела УКГБ ЛО капитан В.Е. Анисин категорично высказал мнение о том, что «произведенной в настоящее время дополнительной проверкой установлено, что Платонов, Тарле и другие арестованные по настоящему делу осуждены без достаточных оснований», прежде всего потому, что «положенные в основу обвинения их признательные показания носят противоречивый и сомнительный характер». Так, вина главного обвиняемого по «Академическому делу» не подтверждается какими-либо иными доказательствами кроме его собственноручных признаний. «Платонов в течение восьми месяцев отрицал предъявленное ему обвинение, заявляя, что, хотя он и не является марксистом и не всем мероприятиям советской власти сочувствует, но по своему характеру крайнего индивидуалиста далее теоретической оценки положения не шел. Признав советское правительство, с весны 1918 года начал работать в советских научных учреждениях и никаких недоразумений по этой работе у него не

было. <...> В собственноручных показаниях от 12 апреля 1930 года Платонов указал, что к «противоправительственной организации» не принадлежал и состава ее не знает, действиями ее не руководил, средств ей не доставлял и денег для нее от иностранцев или из-за границы не получал. Считал бы для себя позором и тяжким преступлением получать деньги для «междоусобия в родной стране». Как видно из материалов дела, ПЛАТОНОВ отрицал предъявлявшиеся ему показания обвиняемых ТАРЛЕ, ИЗМАЙЛОВА, РОЖДЕСТВЕНСКОГО и АНДРЕЕВА о принадлежности к контрреволюционной организации и антисоветской деятельности в ее рядах. Однако при допросе 12-VIII-30 г. он признал, что кружок его единомышленников в лице академиков ЛЮБАВСКОГО, БОГОСЛОВСКОГО, ЛИХАЧЕВА, ТАРЛЕ, профессоров РОЖДЕСТВЕНСКОГО, АНДРЕЕВА, ГОТЬЕ, БАХРУШИНА и ЯКОВЛЕВА весной 1928 года оформился в контрреволюционную организацию под названием «Союз борьбы за возрождение свободной России». В то же время на следствии он дал весьма противоречивые показания как о деятельности организации в целом, так и отдельных ее членов». Рассмотрев вопрос о получении членами мифического «Союза...» средств от германских националистов или папского престола, В.Е. Анисин пришел к выводу о том, что «в материалах уголовного дела не имеется сколько-нибудь убедительных доказательств ни в отношении получения участниками организации денег из зарубежных источников, ни их расходования на нужды организации». Столь же категорично и аргументированно старший следователь опроверг и все остальные пункты обвинительного заключения, по каждому представив исчерпывающий по содержанию и безукоризненный по отточенности формулировок отрицательный вывод. Следует упомянуть не только исследовательское мастерство В.Е. Анисина и его дар стилиста, но и присущее ему чувство такта по отношению к коллегам, дважды приходившим к выводам совершенно противоположным.

Давшее ответ на все поставленные вопросы заключение было отослано в ГВП и на его основе Главный военный прокурор генерал-лейтенант юстиции А.Г. Горный 16 июня 1967 г. внес надзорный протест в Военную коллегия Верховного Суда СССР (№ 398). 20 июля 1967 г. Военная коллегия Верховного Суда СССР надзорный протест А.Г. Горного удовлетворила, отменив постановление Коллегии ОГПУ от 8 августа 1931 г. по делу «Союза борьбы за возрождение свободной России», тем самым сняв обвинения с 23-х лиц, ранее не реабилитированных (№ 414). Справедливость восторжествовала.

* * *

Настоящий, 9-й выпуск издания «Академическое дело 1929-1931 гг.: Документы и материалы следственного дела, сфальсифицированного ОГПУ» включает в себя с максимально возможной в настоящее время полнотой материалы основного производства следственного дела о никогда не существовавшем «Всенародном союзе борьбы за возрождение свободной России», относящиеся к обвинению, приговору и реабилитации 29 лиц (П-65245. Тома 17-19), а также документы об обвинении и приговоре из т.н. «дополнительного производства» по данному делу (П-82333. Т. 7 – в извлечениях).

В томе 17 основного производства содержатся обвинительное заключение, приговор и отложившиеся в деле материалы 1932-1956 гг., относящиеся к заявлениям отдельных лиц либо о смягчении наказания (В.И. Пичета, Т.И. Блумберг), либо о пересмотре приговора (С.А. Лобанов, Л.А. Мерварт, Н.В. Измайлов, А.И. Андреев, вдова П.И. Полевого). Обращения многих лиц, осужденных по «Академическому делу», в Президиум ЦИК с ходатайствами о помиловании, хранятся в соответствующем фонде ГАРФ и в данном издании не публикуются – здесь же приведены лишь сохранившиеся в следственном деле отпуски трех выписок об удовлетворении ходатайств А.И. Яковлева, С.В. Бахрушина и Е.В. Тарле (№№ 27-29). Тома 18 и 19 содержат материалы наблюдательного производства, которые относятся соответственно к 1957-1960 и к 1965-1967 годам.

Структура издания предполагает включение в основной корпус публикуемых материалов только документов т.н. «Академического дела» (почти полностью весь массив основного производства²⁴; в необходимых случаях отдельные документы из дополнительного производства²⁵). Относящиеся к конкретному сюжету материалы, как опубликованные, так и остающиеся в рукописи, не входящие в указанные 29 томов архивно-следственного дела, либо используются в предисловии, либо публикуются в приложении к основному корпусу материалов лишь в том случае, если они представляют самостоятельный интерес.

Так, в 1 выпуске в качестве приложения к следственному делу С.Ф. Платонова составителем была помещена пространная автобиографическая записка, написанная для «Ежегодника по истории

²⁴ Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-65245. 19 томов.

²⁵ Там же. П-82333. 10 томов.

Восточной Европы» и дающая представление о политических взглядах выдающегося историка за год до его ареста.

Во 2-м выпуске приложение составили два документа, относящихся к внезапному отказу Е.В. Тарле на завершающем этапе следствия от ранее данных показаний, - что грозило обрушить всё воздвигнутую чекистами конструкцию «Академического дела». Еще одним приложением стали письма Е.В. Тарле жене О.Г. Тарле и сестре М.В. Тарновской из дома предварительного заключения (март 1930 – октябрь 1931 г.). Сохранившиеся в личном архиве великого историка, эти письма существенно дополняют представление о внутреннем мире подследственного и об его попытках наладить взаимоотношения с советской властью.

Не стал исключением и настоящий выпуск, где в качестве приложения помещена книга «Материалы контрреволюционной монархической организации “Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России”, возглавлявшегося академиком Платоновым и другими (ликвидирована ПП ОГПУ в ЛВО)», напечатанная в Москве в сентябре 1930 г. и сохранившаяся в Центральном архиве ФСБ.²⁶ Данная книга уже была ранее достаточно обстоятельно описана во 2-м выпуске «Академического дела»²⁷ в связи с публикацией докладной записки председателя ОГПУ В.Р. Менжинского и помощника начальника Секретно-оперативного управления ОГПУ Я.С. Агранова генеральному секретарю ЦК ВКП(б) И.В. Сталину и секретарю ЦК ВКП(б) В.М. Молотову от 15 сентября 1930 г., в которой были подведены предварительные результаты следствия.²⁸

Книга издана типографским способом тиражом не менее 220 экз. Единственный известный в настоящее время экземпляр, имеющий № 220, хранится в ЦА ФСБ РФ; иные экземпляры авторам предисловия неизвестны – установлено лишь, что в Архиве УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области его нет. Вероятно, что данной книги нет и в архивах остальных региональных управлений, равно как в государственных библиотеках. Возможно, это обстоятельство связано с тем, что напечатанная типографским способом в виде книги данная подборка документов воспринималась заказчиком не как книга, а как служебная документация, размноженная наиболее рациональным для данного тиража (не менее 220 экз.) способом. Как вся документация подобного рода, циркулярно рассылаемая в региональные управления и иным адресатам для ознакомления, данная книга с грифом «совершенно секретно» имела установленный срок хранения, по истечении которого подлежала списанию и уничтожению.

За исключением указанной выше докладной записки из Приложения, а также двух текстов из основного корпуса документов (№№ 10,372), все остальные материалы публикуются впервые. Упомянутые выше три случая ранее имевших место публикаций оговорены в легендах. Случаи выборочного цитирования отдельных документов в данном издании не оговариваются. Не рассматривается и история публикации А.Я. Дегтяревым (с 1990 г.) документа № 372, подлинник которого сохранился у потомков М.К. Любавского – в настоящем издании данный документ публикуется по переданной ими в 1966 г. в УКГБ по Ленинградской области копии.

В конце данного выпуска помещены именной указатель, список сокращений и оглавление.

Общие принципы публикации определены «Правилами издания исторических документов в СССР» (М., 1990) со всеми существующими к настоящему времени к нему дополнениями. Правила сокращения определены соответствующими ГОСТами; перечень слов, использованных в оригинальном тексте в сокращенном виде и воспроизводимых без их раскрытия, приведен в «Списке сокращений»; то же относится и к аббревиатурам. Все иные сокращения раскрываются непосредственно в тексте публикуемых документов без особой оговорки. Все эдиционные принципы данного издания ранее обстоятельно были объяснены составителем в предисловии к 1-му выпуску; они не изменились.

Все случаи ошибочного написания имен, отчеств и фамилий особо оговариваются, за исключением употребления фамилий в именительном падеже согласно ведомственной стилистике. Без каких-либо оговорок в публикации сохранено двойственное написание фамилии (*Клер/Клэр*) и отчества (*Онисимович/Анисимович*); в комментарии употребляется только форма *М.О. Клер*. Ввиду того, что в тексте показаний, а также в воспоминаниях А.А. Масевич почти всегда упоминался под фамилией *Мосевич*, сохранено устоявшееся в историографии АД написание с отметкой о том в текстологическом комментарии и именном указателе. Неправильное написание отдельных слов оговаривается лишь в случае сознательной авторской позиции; явные орфографические и стилистические ошибки исправлены без какой-либо оговорки.

Употребление прописных и строчных букв по возможности приведено к нормам современным. Стремление сохранить все случаи окказионального употребления различий в применении подобных

²⁶ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 8. № 473. 222 л.

²⁷ АД. Вып. 2. С. XXVI-XXXI.

²⁸ Там же. С. 599-603.

нюансов (зачастую понятных лишь самому автору текста или вызванных невнимательностью – как, например, чередование прописных и строчных букв в именовании *Советской власти/соввласти* в пределах одного документа) привело бы к внешнему впечатлению о небрежности подготовки издания, и не более того. Тем не менее, составитель постарался сохранить все случаи употребления прописных и строчных букв в оформлении бланков и штампов. Вышесказанное также относится и к случаям выделения прописными буквами обращений в официальной документации, где соблюдался своего рода определенный ведомственный делопроизводственный этикет. Напротив, выделение прописными буквами звания и подписи под документом не сохранялось, поскольку здесь, по мнению составителя, эпистолярный канон зачастую подменялся авторским тщеславием – причем то в большей степени всё же было свойственно архивистам, чем чекистам.

Принципы употребления курсива и подчеркивания были объяснены в предисловии к 1 выпуску. Постоянный текст бланков, анкет, штампов и т.п. выделен курсивом; прямым дается текст, в них внесенный. Все случаи выделения текста подчеркиванием сохранены без особой о том оговорки. В протоколах допроса в наименованиях пунктов вопрос /ответ разрядка принадлежит составителю вне зависимости от того, была ли она в тексте.

Не воспроизводятся обычные для секретных документов машинописные пометы технического характера, как например: «Отп[ечатано] 2 экз. 1 – адресату 2 – в дело Исп[олнитель] Кондратьев Печ[атала] Соловьева 16.II.57 г. № 500. Черновик уничтожен» (№ 190). Также не воспроизводятся и атрибуты бланков, указывающие на № заказа и т.п.

Именной указатель построен так же, как и в предшествовавшем по сроку выхода вып. 2, где помещен неаннотированный индекс имен к обоим выпускам. Все дефиниции уточняющего характера внесены лишь в случае отсутствия инициалов, по возможности с указанием не только на звание, но и на место службы. Это правило не распространяется на технических сотрудниц адресных бюро, учетно-архивных отделов и проч., наводивших справки – о них фамилии дано лишь указание *автор справки*, - и не более того. (Отсылка к номеру страницы позволит, в случае необходимости, извлечь все прочие имеющиеся о ней сведения). Некоторые имена местных руководителей органов безопасности в процессе рассекречивания в 2014 г. были закрыты руководителями региональных управлений ФСБ РФ; как не упоминающиеся в тексте публикации, они не включены и в именной указатель.

Следует отметить, что данный выпуск является первым опытом публикации наблюдательного производства, включенного в состав архивно-следственного дела, причем осуществляемого с максимально возможной полнотой. Как правило, ранее материалы подобного рода исследователям не выдавались и хранились отдельно от следственного дела; не являлись такие документы и объектом эдиционной практики. Так, подготовленный Международным фондом «Демократия» совместно с Комиссией при Президенте РФ по реабилитации жертв политических репрессий трехтомник «Реабилитация: Как это было»²⁹ содержит самые разнообразные материалы, относящиеся к реабилитации лиц, репрессированных по политическим мотивам, преимущественно по документам Президиума ЦК КПСС и высших органов власти, охватывая период с марта 1953 г. по 1991 г., однако документы подобного рода в это издание включены не были.

Особенностью настоящего выпуска является то, что еще далеко не все документы, которые предполагается в нем опубликовать, прошли предусмотренную федеральным законом РФ «Об архивном деле» процедуру рассекречивания. Если ко времени издания вып. 1 и 2 основополагающим документом был указ Президента РФ Б.Н. Ельцина о снятии всех ограничений в доступе к документам советской истории, относящимся к теме политических репрессий, то после принятия в 1998 г. ГД РФ закона «Об архивном деле в Российской Федерации» положение существенно изменилось. При использовании (в том числе при публикации) любых документов, хранящихся в Государственном архивном фонде РФ, составной частью которого являются ведомственные архивы, в том числе и Архив УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, и Центральный Архив ФСБ РФ, где хранятся все публикуемые в настоящем выпуске документы. Вышеупомянутый закон является основным регламентирующим актом, где подробно перечислены сведения, составляющие государственную, военную, служебную тайну, а также сведения о личной жизни конкретного человека. Настоящая публикация осуществлена с соблюдением всех требований данного закона; все изъятия из публикуемых документов особо оговорены.

В оглавлении представлены все материалы указанных трех томов следственного дела, как рассекреченные по состоянию на 10 декабря 2014 г., так и те нерассекреченные, которые были доступны членам редколлегии и составителю ранее 2013 г. (Последняя категория документов в оглавлении поименована без указания страниц, номера выделены полужирным). В оглавление не

²⁹ Реабилитация: Как это было / Междунар. фонд «Демократия»; Комис. при Президенте РФ по реабилитации жертв политических репрессий; сост. А.Н. Артизов, Ю.В. Сигачев, И.Н. Шевчук, В.Г. Хлопов; отв. ред. А.Н. Артизов. В 3 т. М. : Материк, 2000-2004. (Россия. XX век: Документы).

включены отдельные документы тома 19 (л. 133-143,168-172) ввиду невозможности в настоящее время указать их наименование: в них содержатся сведения о деятельности В.Р. Домбровского и С.Г. Жупахина во второй половине 1930-х гг.; материалы находятся в процессе рассекречивания.³⁰

В связи с 300-летним юбилеем БАН значительно возрос интерес к ее истории – от истоков до настоящего времени. Не стали исключением и 1920-е годы – переломный этап в судьбе не только Библиотеки, но и академической науки в целом. Необходимость иметь в распоряжении исследователей достоверный свод документальных свидетельств судеб ряда сотрудников БАН, привлеченных по «Академическому делу», побудила осуществить предварительное издание его 9-го выпуска в виде свода того, что подверглось процедуре рассекречивания по состоянию на 31 марта 2015 г.

Публикация и исследование ранее недоступных историкам документов в настоящее время является одним из главных направлений источниковедения отечественной истории. «Архивный документ – это ценный источник правдивой, объективной информации о нашем прошлом. Введение в научный оборот архивных материалов путем публикации тематических сборников <...> дает возможность исследователям изучать историю XX века более объективно. Документы из архивов органов госбезопасности позволяют не только взглянуть по-новому на то или иное событие в истории, но подчас способны в корне перевернуть устоявшиеся представления о, казалось бы, очевидных фактах. <...> За последние годы совместно с учреждениями Российской академии наук <...> подготовлены и опубликованы рассекреченные архивные документы, которые создали значительную часть источниковой базы для полноценного исследования политической истории России XX века. <...> Одна из трагических страниц в истории России XX века – политические репрессии. По этой теме опубликовано значительное количество документов. Помимо очевидного нравственного значения, эти издания, безусловно, заняли достойное место в отечественной историографии».³¹

А.Н. Цамутали, М.П. Лепехин

³⁰ См.: АД. Вып. 1. С. XLII-XLIII. См. также в 9-м вып. АД сноску 21 предисловия и документ 346.

³¹ Христофоров В.С. История страны в документах архивов ФСБ России. М. : Изд-во Главного архивного управления города Москвы, 2013. С. 950.